

Первородство / Primacy (рассказ)

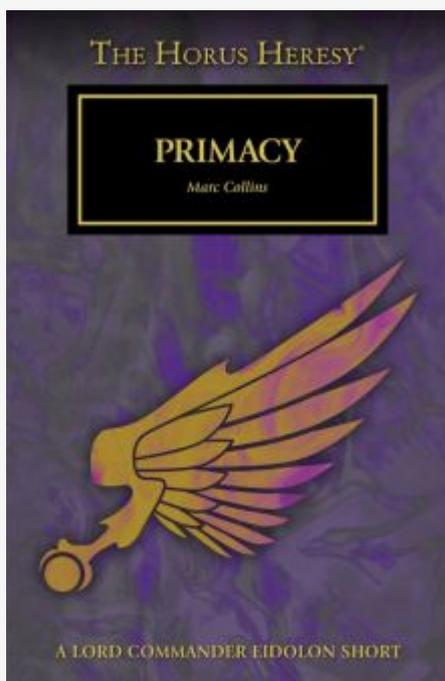
Другой перевод

У этого произведения есть другой перевод. Он находится по ссылке: [Превосходство / Primacy \(рассказ\)](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Первородство / Primacy (рассказ)

Автор	Марк Коллинз / Mark Collins
Переводчик	Luminor
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy
Год издания	2023
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

«Важен не пепел — пускай он и колыбель, и горнило, но пламенем его не назовёшь.

Лишь в огне по-настоящему восстанет Феникс».

приписывается примарху Фулгриму,
источник не записан.

Одинокая станция, незначительная во всех смыслах, кружилась посреди безбрежной пустоты. Во времена мира и изобилия, сопровождавших неудержимый натиск Великого крестового похода по сектору, она всегда оставалась не более чем сноской на полях. Чем-то, что следует игнорировать или же сопоставить с более масштабными логистическими примечаниями. Агростанция Пирус Сигма 45-1 играла второстепенную роль в снабжении миров Сатрианского залива жизнестойкими продуктами питания и аналогами медицинских препаратов.

Она никогда не сталкивалась с большим вниманием, чем со стороны прибывающих и уходящих грузчиков, чьи транспорты прилетали пустыми — и отправлялись восвояси с набитыми продуктами трюмами. Война положила конец тем дням однообразного великолепия. Теперь станция висела и болталась в пустоте, а её прежние обитатели бежали или легли в ту самую землю, которую некогда возделывали. До сего момента агрокомплекс Пирус Сигма 45-1 оставался забытым и мёртвым, но теперь он возродился с одной-единственной целью.

Корабли, окружившие космическую станцию, поражали буйством своего разнообразия. Корпуса мерцали инкрустацией из драгоценных камней и позолоченным орнаментом, растекавшимся по поверхности пластин обшивки подобно роскошным раковым образованиям. Другие были покрыты шрамами и раздеты до голого адамантия, с высокомерной гордостью демонстрируя свою стойкость под огнём вражеской артиллерии. Ещё больше несли беспорядочные отметины ударов когтей там, где их поля Геллера схлопнулись или же были намеренно опущены, там, где изменчивое внимание заинтригованных нерождённых вынуждало их пробовать бронепластины на зуб, словно те состояли из плоти. Ещё одно судно, похоже, восприняло сию метафору особенно близко к сердцу, и целые участки его внешнего корпуса были украшены выбракованной человеческой плотью, застывшей в объёмах пустоты.

С верхних ярусов командного мостика «Гордого сердца» лорд-командующий Эйдолон с полным пренебрежением взирал на означенное место встречи. Его пальцы, теребившие рукоять громового молота, вдруг сжались.

Вечная Слава представляло собой великолепное оружие, совершенно несовместимое с ходячей развалиной, которой стал Эйдолон. То, что осталось от его некогда шикарной шевелюры, превратилось в спутанные тонкие пряди, которые пучками свисали с иссохшей кожи головы. Горло лорда-командующего пульсировало диковинными органами и наростами, гудевшими от жажды творить насилие. Его поза, пускай и исполненная праздности, свидетельствовала о непрекращающихся

внутренних муках. От него буквально исходила аура боли, и всё же там, где она сломила бы иных, Эйдолон чувствовал себя всё более возвышенным. То был дар, который следовало принять, и ощущение, коим нужно было насладиться до последней капли.

«Вот она, истина, доступная столь немногим из его братьев. Отринуть службу какому бы то ни было хозяину, за исключением собственных амбиций, и не хвалиться ничем, помимо своей агонии».

— Печально, не правда ли? — размышлял Эйдолон. — Что мы настолько быстро дошли до подобного после нашего великого триумфа?

— Триумфа примарха, — осторожно поправил его Фон Кальда. Аптекарий лениво поигрывал своим нартециумом, словно стремясь вновь пустить его в ход как можно скорее. С его пояса свисали окровавленные медицинские трофеи, хирургически переделанные для достижения максимального эстетического эффекта. Позади двух воинов раздались резкие звуки улюлюканья и завываний какофонов, словно те были зверями, почуявшими добычу. — В конце концов, мы собрались вместе после его апофеоза. Его *вознесения*.

Эйдолон издал смешок.

— Вознесения, ну конечно, — промурлыкал он и шагнул вперёд, протягивая руку к оккулюсу. Цвета в нём начали меняться, трансформируясь, словно по прихоти божества. Покров окружающей реальности становился всё более тонким. Эйдолон практически ощущал, будто бы кто-то — или *что-то* — наблюдает за ним. Чьи-то очи из-за пелены скользили по его телу, словно в стремлении отыскать некую слабость.

— Это вы, папочка? — со смешком сказал лорд-командующий самому себе.

— Милорд? — обратился к нему Фон Кальда. Аптекарий явно услышал слова Эйдолона, однако притворился, будто пропустил их мимо ушей — словно из опасения, что может подхватить охватившее лорда-командующего безумие.

Боль возрождения. Каким образом хоть кто-то из легиона мог по-настоящему понять её? Возможно, теперь это было под силу одному лишь отсутствующему примарху, погружённому в планирование ходов игры, о которой его сыновья могли только догадываться.

— Ничего, — отрезал Эйдолон. Он отвернулся от стекла и воззрился в потрясающее буйство на командной палубе, что в очередной раз разворачивалось пред его взором. Вокруг воинов нарастала мощь великой песни, пока палуба не задрожала, а корабль — фактически не стал инструментом сам по себе, уносившим свою мелодию в пустоту и отравлявшим реальность самим фактом своего существования. — Пустое, советник. Вскорости мы окажемся среди братьев. Тогда мне не позволят заниматься своим... самоанализом.

— Вы ожидаете сопротивления?

Эйдолон попытался пожать плечами, но почувствовал укол боли, когда его плоть снова взбунтовалась против своего хозяина. Лорд-командующий одобрительно забулькал и ощутил, как органы в его горле перестраиваются. Он мог предвидеть момент своей изысканной потери контроля. Воображение Эйдолона нарисовало картину потрескавшегося и обрушившегося моста, расколотой позолоты, помутнения перламутрового оккулюса, рухнувших на разбитый настил рабов. Он мог во всех подробностях вообразить себе момент их смерти. Кровь на покрытой клеймами коже, управляющие механизмы и инжекторы обезболивающих лопаются и рассыпают искры.

«Где-то в покоях души моей продолжает звучать смех, даже сейчас...»

Лорд-командующий моргнул, прогоняя эту чужеродную мысль, и повернулся к своему советнику.

— Там, где когда-то мы демонстрировали совершенство единства, ныне остались лишь разногласия. И всё же хаос, который Фулгрим оставил после себя — есть не что иное, как возможность. — Эйдолон высунул язык изо рта и провёл им по губам. — И я намерен воспользоваться этим преимуществом сполна. — Он снова рассмеялся, и звук странным эхом отразился среди шума на мостике. — Я бы ещё раз указал всем нам направление. Не ради нашего отсутствующего папаша, но во имя цели, которую поставили пред нами сами боги. Пойдёмте, советник. — Эйдолон протянул Фон Кальде свою дрожащую руку. — Поглядим, что натворили наши братья.

Оказавшись во власти Детей Императора, космическая станция сама по себе превратилась в обитель безумия. Наполовину лишившиеся рассудка рабы — слепые, за исключением тех мест, где их глаза были заменены индукторами с оптической обратной связью — приклеивались к стенам, покрытые краской и штукатуркой. Извращённое воображение новых хозяев Пирус Сигмы 5-1 буйствовало по всему полотну агростанции, подстёгиваемое всё более злобными прихотями. Местами завихрения и завитки тех или иных цветов оказывались прерваны случайным убийством художников, чьи плоть и имплантаты вдавливались в стальные стены, сокрушённые вниманием вышестоящих господ.

Эйдолон прошаркал мимо одной из таких священных смертей, едва удостоив её взглядом, пока двигался по заранее подготовленному пространству. Суглинистая почва агростанции оказалась сброшенной из кадок и гидропонных площадок, и ей позволили растечься по всему полу, пока она не покрыла каждый дюйм настила станции. Поливалки и ванны питательных веществ мерцали жидкостями ослепительного множества цветов, преломляя искусственный свет в оттенки, которым ещё не придумали названий. Эйдолон взирал, как жадно булькает аппарат, питавший почву и выходившие из неё свежие ростки.

Из пропитанной водой земли поднимались лозы, обвивавшие опорные столбы и служебные мостки. Имперское железо мало-помалу поглощалось безудержными мутациями, когда они проникали в пространство между балками, испуская свет своей собственной внутренней биолюминесценции. Нездоровые рощи уже выросли вокруг центра зала — их вздыбившиеся кроны царапали купола помещения — в то время как Дети Императора уже начали вырубать участок в самом их сердце.

Деревья были выгравированы вручную; их белую, как кость, кору испещряли сцены причудливого разврата и переосмысленной истории легиона, словно следы некоего нечестивого паломничества. Из порезов на анемичном «холсте» сочился влажно блестящий сок.

Чья-то рука — Фабия, предположил Эйдолон — сформировала это место для предстоящего конклава. Теперь эмиссары легиона собрались воедино, призванные ко двору остатками доброй братской воли. Побуждаемые властолюбцами и безумцами.

И это правильно. После вознесения Фулгрима легион изменился. Никто не мог сомневаться в этом. Каждый воин Третьего, какого бы лорда он ни почитал, в душе знал это. Из огня Ока требовалось проложить тропу в ад войны. Здесь, на станции, они представляли свои идеи и обхаживали массы, оценивая поддержку и формируя сам легион заново.

Другие воители Третьего уже опередили его, собираясь в свободные группировки верности, вращаясь вокруг своих избранных марионеток. Эйдолон позволил презрительной ухмылке исказить своё изуродованное лицо.

«Есть ли здесь хоть кто-нибудь, кто мог бы считаться мне ровней?»

Таковые охотники за властью, разумеется, наличествовали. Казалось, будто бы претенденты на место нового лидера прихорашиваются и позируют на каждом шагу. Эйдолон заметил Каэсорона — возможно, худшего из всех, восседавшего в центре рощи на троне из бледного дерева и обломков золота. Перед ним стояли на коленях его лизоблюды, отчаянно нуждавшиеся в объедках, которые тот мог им бросить; глаза этих шавок внимательно следили за движениями протянутой руки первого капитана и сжатого в ней потускневшего кубка. Внутри плескалось что-то красное, угрожая выплеснуться через край, и Эйдолон не сомневался, что униженные воины будут готовы поглотить любой грязный нектар, что попадёт на них.

Легион в своём вырождающемся величии был прекрасен, и всё же даже самое искусное творение могло со временем распасться. Одним из симптомов сего стали отчаявшиеся наркоманы, что толпились в надежде на внимание со стороны Избранных Сынов. Эйдолон возненавидел их с первого взгляда, из одного только принципа. *«Некоторые из нас всё ещё могут позволить себе иметь стандарты»*, — подумал он с прерывистым смешком.

Фон Кальда держался рядом со своим господином, неся преображённые цвета личной геральдики лорда-командующего. За ними шествовали полдюжины какофонов во главе с Тилем Плегуа. Певец разрушения шагал впереди, его звуковое оружие пребывало в постоянном движении, широко раскрытые глаза сияли с адским восторгом. Половина его лица была содрана до кости, а сама кость — покрыта столь же искусной резьбой, как и растущие вокруг деревья болезненного облика.

— Лорд-командующий, мы готовы спеть, если потребуется, — произнёс Тиль. Голос у него был восхитительно безобразным, двоянный и искажённый мелодией Маравильи.

— Если дело дойдёт до этого, солировать в припеве буду я. Таковы моя привилегия и мой долг, — заявил Эйдолон, повернувшись к Тилю. — Ты здесь для того, чтобы командовать моим почётным караулом, а не исполнять обязанности моего чемпиона. — Руки лорда-командующего вновь сжались вокруг его молота. — Или ты намекаешь на то, что я настолько разбит, что не смогу сражаться собственными силами, ммм?

— Данный факт считается общеизвестным в самых широких кругах, — прозвучал другой голос. — Хотя некоторые из нас, конечно, знают об этом больше других.

Эйдолон развернулся, чтобы как следует рассмотреть источник раздражения, и его извращённые черты сложились в улыбку.

— Ах, Фабий, я и в самом деле задавался вопросом, когда же ты явишь свой лик.

В отличие от своих братьев по легиону, расфуфыренных гордецов, воспевавших собственные победы, старший аптекарь казался высохшим и измождённым, будто засушенное насекомое в доспехах. Его внешность поразила Эйдолона ассоциацией с неоконченным кулинарным шедевром. Голова Фабия наклонилась таким образом, словно он прислушивался к нотам доступной ему одному песни. Когти примарха крепко вцепились в старшего аптекаря, на сей счёт Эйдолон не испытывал ни малейших сомнений.

— Неважно выглядишь, врач, — произнёс Эйдолон, его голос окрасился богатыми оттенками радости. — Что, не способен исцелить себя сам^[1]? Ведь ты побеждаешь смерть. — Он указал на себя, на свою возродившуюся форму. Шедевр, сотворённый рукой Фабия, творение, равное любому из висевших на стенах произведений искусства и превосходящее каждое из них. — По своей прихоти ты обманываешь

смертность, и всё же оказываешься не в состоянии узреть собственное состояние здоровья? Тёмный Принц не ведает границ в своей ироничности.

— Избавь меня от этого, — проворчал Фабий. — Как я тебя сотворил, так же я могу и сломать тебя.

— Обещания, братец, бесполезны, если ты не намерен исполнять их.

— Лорд-командующий, — произнёс Фабий полностью лишённым искреннего уважения голосом, — я изменил тебя по частям, разложил заново твой генетический код. Органы в твоём горле существуют исключительно благодаря моей работе и по моей воле. Если бы я пожелал, то мог бы распутать все пряди, что связывают тебя воедино. Особых усилий на это вообще бы не потребовалось.

Эйдолон выступил вперёд, его лицо превратилось в глумливую маску мрачного удовольствия.

— Ах, но ведь сам примарх потребовал, чтобы ты возвратил меня к жизни, Фабий, а ты вернул меня *уродливым и глупым*, хотя, должно быть, старался изо всех сил. Ему не понравится, что ты испортил меня так сильно, и я думаю, что он всё ещё слишком близко, чтобы ты не желал расстраивать его столь решительным образом.

Фабий долго созерцал Эйдолона, словно тот был внезапно начавшим распадаться образцом под стеклом.

— Настанет время, сладенький Фабий, когда ты будешь зависим от моего покровительства и моих щедрот. И надеюсь, что когда этот момент настанет, ты поубавишь свою спесь.

— У меня есть иные заботы, — сказал Фабий, указывая на неисправные механизмы громоздкого гидропонного комплекса. — Даже этим растениям требуется больше внимания и заботы, чем вам, лорд-командующий.

— В таком случае оставляю вас, лейтенант-командующий. Негоже удерживать вас от потакания своим пустяковым фантазиям.

— Было ли это мудрым? — поинтересовался Фон Кальда, черты его лица сияли выражением раздражённого беспокойства. Нахмурившись, Эйдолон оглянулся на своего советника. *«Постоянно подвергаться критике и попыткам нянчиться со мной, куда бы я ни пошёл. Они что, так легко забыли, кто я такой?»*

— Паук — это значительная величина, как тебе хорошо известно. — Эйдолон многозначительно кивнул в сторону атрибутов ремесла аптекаря на своём собеседнике. — Он порывист и высокомерен, но не глуп. Пускай бухтит себе на здоровье. Мы здесь ради более весомой добычи.

Он повёл отряд своих воинов по лакированному полу, уже покрытому потёками крови и человеческих экскрементов, к кичливому престолу Каэсорона.

Первый капитан повернул свой изменённый череп к новым гостям, его рога влажно блестели, а слишком чёрные глаза жадно сверкали. Он расхохотался.

— Ах, Эйдолон! — усмехнулся Юлий Каэсорон, демонстрируя улыбку из жемчуга, платины, кости и алмазов. — Я тут размышлял, удалось ли тебе сбежать с Йидриса.

Стайка ручных воинов Каэсорона захихикала при этом заявлении, но Эйдолон не удостоил их своим вниманием.

— Некоторые из нас находились в центре событий, Юлий, — проворчал он. — А не играли в догонялки со сбродом из Четвёртого.

Каэсорон затрясся от смеха, сбрасывая с себя тонкую пелену блестящей пыли, словно змея — чешуйки старой кожи. Эйдолону потребовалась всего одна секунда, чтобы распознать в ней измельчённые остатки эльдарских камней душ. Весь их блеск был украден, поглощён аппетитами первого капитана.

— Я скучал по твоему на диво колючему остроумию. Было бы ужасным позором потерять его сначала в смерти, а затем в бесчестии. Мне бесконечно приятно осознавать, что ты не совсем бесполезен. До чего же изысканное удовольствие видеть тебя здесь, когда мы празднуем великий триумф.

— Должно быть, парад я пропустил, — задумчиво произнёс Эйдолон.

— Твоё чувство юмора мне никогда не наскучит, — промурлыкал Юлий, окинув Эйдолона взглядом хищника, а затем снова рассмеялся. — Возможно, наиболее забавная шутка в этой ситуации заключается в том, что ты всё ещё воображаешь, будто обладаешь здесь превосходством.

— Я всё ещё остаюсь лордом-командующим, — отрезал Эйдолон и замолчал, нависнув над Каэсороном и созерцая его сверху вниз. Искажённое месиво на месте лица первого капитана снова исказилось смесью веселья и отвращения. Эйдолон мог представить себе, где под переделанной плотью лежат старые шрамы.

Каждый из них познал перемены. Изменился по сравнению со своей былой сутью, облачился в содранные шкуры и украденные силы. Если когда-то Эйдолон и был исключением, то в скором времени он понял, что станет правилом. Об этом позаботились труды Фабия и шёпот Тёмного Принца.

— Возможно, это изменится, — изрёк, наконец, Каэсорон и одним залпом осушил свой кубок, отбросив его в сторону с приглушённым звоном. — Или, быть может, мы проверим, достоин ли ты продолжать носить этот титул.

Эйдолон поднял Вечную Славу и улыбнулся в ответ.

— С нетерпением жду этого, Юлий. Слишком долго не видел, как ты мараешь руки самолично.

Эйдолон обхаживал своих братьев по легиону, словно приезжих сановников, приветствуя каждого воина, с которым сталкивался, со всем презрением, которого они заслуживали. Истинной радости видеть их такими, какими они стали, не было. Алчные детишки, ковырявшиеся в грязи ради продвижения по службе. Они были ничем не лучше дворняг из Двенадцатого или работяг из Четвёртого. Паразиты, все как один.

«Когда-то Абдемон и Веспасиан разделяли этот ранг со мной. Оба — лишённые гибкости неудачники, но в них присутствовало своеобразное очарование. Что же до остальных, им этого качества решительно не хватает».

Словно бы подтверждая свою точку зрения, Эйдолон остановился перед парочкой увлечённо перешёптывавшихся собратьев по рангу. Лорд-командующий Архориан являл собой колючее существо, сплошь состоявшее из острых краёв и отточенного пренебрежения. Свой шлем он держал под рукой, и покрывавшие его исковерканные шипы вонзались в бронированный бок владельца. Лицо Архориана было изрезано и разорвано в тех местах, где внутренняя часть его доспехов явно соответствовала меняющейся внешности. Он сердито зыркнул на Эйдолона и повернулся к своему товарищу. Кирий

поднял взгляд, резкие черты его лица отличались бледностью и очень сильно напоминали черты примарха.

— Мы задавались вопросом, найдёшь ли ты дорогу сюда, — процедил Архориан.

— Однако ты никогда не разочаровываешь, — вставил Кирий. Он обнажил свой длинный золотой клинок, поворачивая его из стороны в сторону, словно бы методично обдумывая множество способов, которыми мог бы положить конец второй жизни Эйдолона. — Я сказал Архориану, что в конце концов ты непременно объявишься. Никто из тех, кто был столь близок к великому ритуалу примарха, не смог бы сбиться с пути.

— И, как я уже говорил, — вставил Архориан, — гордыня способна сбить с пути даже лучших из нас.

Эйдолон рассмеялся, услышав эти слова. Он никогда не испытывал любви к Архориану. Тупоголовое создание с амбициями куда выше его положения. Впрочем, подобные идеи поддерживал и сам Эйдолон, но он сам — другое дело. Он мог применить их на практике.

Эйдолон согнулся в поклоне, хотя все его суставы скрипели и бунтовали против этого движения. Боль пронзила всё его естество, срывая с губ трель стона. Двое других воинов посмотрели на него с насмешливым подозрением, когда он вновь неуверенно поднялся.

— Ты мне льстишь, братец, — улыбнулся Эйдолон, глядя на Кирия. — Воистину, я счастлив иметь таких пронизательных собратьев по оружию. Ты наделён прозорливостью самого Фулгрима, я в этом не сомневаюсь.

Лицо Кирия застыло в ухмылке, которая куда больше походила на гримасу, в то время как второй лорд-командующий гордо снёс невысказанное оскорбление.

— Какого ты вообще сюда заявился, Эйдолон? — рявкнул Архориан. — Что, потерял благосклонность примарха, или она настолько связана с прихотью, что вообще не имеет значения? Играешь своим положением, при этом оскорбляя наше благородное собрание своим... состоянием.

— Состоянием, благодарить за которое следует примарха и Фабия, — процедил Эйдолон, и голова его затряслась, словно у дурачка. — Разве это не то, что следует смаковать и чем нужно наслаждаться? — Внезапно он рванулся вперёд, его мускулы напряглись и сжались. Каким же жалким должен был казаться Эйдолон обоим лордам-командующим, невзирая на то, что он с гордостью демонстрировал свои дары. — Наш собственный былой отец продемонстрировал нам, что апофеоз — отнюдь не безболезненный процесс. Во имя любой выгоды приходится чем-то жертвовать. Вознесение всегда покупается страданием^[2], а мы научились страдать, не правда ли?

Кирий усмехнулся и похлопал по рукояти меча, возвращая его в ножны. Архориан покачал головой и отвернулся. На лице Эйдолона вновь расцвела улыбка.

«Пускай ненавидят. Пускай сомневаются. Пусть каждый из них до последнего считает меня слабаком и пустозвоном».

Эйдолон вспомнил Ракомона^[3]. Теперь он был лишь пылью на ветру, меньше, чем ничем. Лорд-командующий самолично вырвал скорбную и сбитую с толку страницу из истории легиона. Вот и всё. Он держал возможность собственного восстановления в своих руках и упустил её.

— Мы должны принять себя такими, какие мы есть. Мы — то, что мы есть, — прошептал он фактически

самому себе, отворачиваясь от собеседников. — В этом и заключается единственное подлинное совершенство.

Когда назначенный час, наконец, пробил, его приход возвестил бой атональных колоколов и рёв звукового оружия. Станция зазвенела, и звон этот отозвался по всем её помещениям. Эйдолон погрузился в бушующую какофонию, позволяя ей насытить всё своё существо. Нервы внутри плоти мускулов лорда-командующего дёргались и скручивались, пламя проносилось по спирали через болевые центры и пронзало его мозг.

Эйдолон стиснул зубы, когда безудержные ощущения захлестнули всё его естество. Бронированные пальцы сжались и защёлкали друг о друга, пока он изо всех сил старался не упасть на колени. Лорд-командующий ощущал покой среди клеветы, спокойствие посреди бушевавшего на станции хаоса. Он знал, что Тиль и его люди присутствовали в рядах хора, уведённого туда, где их талантам могло найтись наилучшее применение.

«Вот она, вящая слава Тёмного Принца, — подумал Эйдолон. — Всё, что делал Фулгрим — это освещал путь, но именно этот путь всегда был нашей судьбой. Совершенство, к которому мы стремились, ограничивалось мелочными понятиями. Смертная форма тщеславия сковывала нас, но теперь мы сорвали её цепи. Наконец-то освободились, чтобы воссоздать вновь и вновь».

Некоторые из братьев уже рухнули на колени или корчились в пароксизмах безграничного удовольствия прямо на земле, вычерчивая своими движениями дивные узоры в грязи. Эйдолон заметил воина, из лишённых век глаз которого текли слёзы, нижняя часть лица была растянута тугими отрезками проволоки, а плоть постоянно кровоточила. Другой легионер содрал с самого себя скальп, позволив каскаду шнуров нейроинтерфейса протянуться через изувеченную плоть. Шнуры заискрились и задрожали, двигаясь подобно змеям, когда боец откинулся назад, отдаваясь боли.

Дети Императора собрались в роще. Сотни легионеров. Капитаны, лорды-командующие, избранные лейтенанты. Представители доброго десятка фракций и всех эшелонов переделанного легиона, каждый из которых был готов передать вести о принятом здесь решении своим ожидающим товарищам.

Столы, уставленные кубками и тарелками с едой, обслуживались шаркающими сервами, чьи движения были судорожными и прерывистыми под воздействием стрекал-агонизаторов и вживлённых наркотических желёз. Те, кто сохранил относительную целостность, дабы удовлетворять нужды своих господ, подавали трупы неудачников к столу — последнюю жертву, принесённую во имя пира. Служить Детям Императора было великой честью, но возможность быть поглощённым, ассимилированным при обряде омофагии — истинным благословением.

Каэсорон руководил пышным празднеством из-за одного из крупнейших столов. Отражавшиеся от разбитых зеркал и отполированных поверхностей лучи света падали на мерцающие пластины его доспехов — покрытые безумным слоем лака поверхности соперничали своей яркостью с потускневшим золотом, превращая своего обладателя скорее в идола, нежели человека.

— Братья! — воскликнул первый капитан, широко раскинув руки. — Вы присоединяетесь к нам сейчас, в миг триумфа. Примарх вознёсся в славе своей. Многие из вас присутствовали там, и могут засвидетельствовать это. Теперь же нам предстоит определиться с дальнейшим курсом действий. — Каэсорон выдержал паузу и схватил кусок глазированного мяса, сунув его между искалеченными губами.

Его заявление встретили бурными возгласами. За лестью этих воинов тональность бушевавшей звуковой ярости какофонов вновь сменилась, словно бы в знак поддержки.

— Вне сомнений, нам следует брать пример с Фулгрима, как мы и поступали множество раз прежде? — продолжал Каэсорон, переводя внимание с одной группы воинов на другую, привлекая взгляды и внимание публики. Архориан, покорный и занудный Архориан, уже был очарован; Эйдолон заметил, как на бледной коже легионера заиграл румянец, как выступила кровь из порезов на коже. Кирий же, в свою очередь, выглядел незаинтересованным, почти что скучающим, раз за разом изучая свой клинок в навязчивом ритме. — Мы — есть Третий. Помните об этом, все вы, жили вы или нет в те дни, когда легион пробивался из грязи наверх. Вымирание вцепилось в нас, и мы прошли сквозь его адское пламя. Выжили, чтобы окреститься в нём снова и снова. На Лаэране. На Исстване. На Йидрисе. Почему бы нам не продолжить ступать в его тени, покуда мы сами не переродимся в сжигающем огне варпа?

Омерзительные глаза Каэсорона расширились, как у безумца. Захваченный своей манией, он дёргался и пускал слюни, а другие подражали ему подобно обезьянам, считая, что он — истинный образец воителя их легиона. Отныне они всегда будут смотреть на Эйдолона, своего лорда-командующего, как на посмешище и объект для издевательств.

«Разделённая Душа. Изломанный. Никчёмная поделка».

— Так встаньте же со мною рядом! — прокричал Каэсорон сквозь улюлюканье и возгласы легионеров. — Вместе мы создадим легион заново. Наши безутешные, полные скорби, облачённые в траур кузены из Железной Десятки, — первый капитан выдержал паузу, чтобы по толпе слушателей прокатилась волна хохота, — заявляют, что плоть слаба. Наш примарх, а не их, продемонстрировал им правду об этом! Фулгрим больше не зависит от ограничений плоти, он вне времени. Теперь он ступает в сияющем совершенстве одесную богов. Их игры, равно как и войны — это его войны. Пойдёмте же к нему, разыщем его и встанем на путь, где пределов нет!

Толпа ликовала, разражаясь хвалебными возгласами, воины молотили по своим нагрудникам или столешницам. Эйдолон наблюдал за происходящим с отстранённым удивлением. Он-то считал, что у Юлия найдётся хоть капля честолюбия, а это что вообще такое? Плестись вслед за Фулгримом, упиваясь его сиюминутными прихотями? Он заметил, что Архориану подобное по душе — впрочем, никакой неожиданности тут не было. В конце концов, отбросов тянет к отбросам.

Что же до Кирия, то...

Эйдолон заметил, что его собрат лорд-командующий перестал поигрывать своим клинком. Он шагнул вперёд, и Каэсорон с хриплым смешком отошёл в сторону. По сравнению с гротескно-преувеличенным образом саморазрушения, который являл своим обликом первый капитан, Кирий держался с гибким изяществом и самоуверенностью дуэлянта. Ступая с известной чванливостью, он вошёл в самое сердце рощи, встав среди шевелящихся деревьев, чьи ветви отягощались уродливыми плодами, а окровавленная кора мерцала в быстро усиливающемся свете. Кирий потянулся, его мускулы напряглись, а силовая броня усилила демонстративную мощь движений.

— Война остаётся войной, — начал он, перекрывая скрипучий рёв агонии станции. — Фулгрим выше нас, он ушёл в царство эфира. Почему мы должны следовать за ним, когда наши приказы остаются в силе? Мы возвращаемся на войну, сражаемся в битвах, где требуется наше участие. Я не стану отсиживаться в сторонке, когда мы подойдём к назначенному моменту. Терра ждёт. Самая грандиозная слава и величайший опыт, на которые мы только могли надеяться. Трофеи и удовольствия, не ведающие границ.

Посвятите себя, весь легион, телом и душой, грядущей войне. На нашем счету разрушенные империи, мы уничтожили тысячи культур. И всё же именно это станет величайшим нашим испытанием, несравненным вызовом, который нам только доводилось принять. — Длани война открывались и смыкались, словно изголодавшись по клинку. В нём царила жажда убийства, горячая и наэлектризованная, словно кровавая лихорадка.

Однако в его поддержку раздалось куда меньше голосов, и вскоре на станции вновь воцарилась тишина. Несколько наименее сдержанных офицеров легиона наконец приступили к банкету, прихлёбывая дурманящее вино и раздирая искусно приготовленное мясо.

Внезапно звон металла о металл поразил собравшихся воинов. Даже самые безудержные из едоков обернулись, не утолив своего голода, и уставились уже расширившимися зрачками на того, кому хватило смелости прервать их пиршество. Если бы это был какой-нибудь низкоранговый воин, малоизвестная в рядах легиона фигура, в один миг обнажились бы клинки, а возмутитель спокойствия оказался бы низвергнут, присоединившись к остальным несчастным жертвам.

Этим возмутителем оказался Эйдолон.

Фон Кальда отошёл в сторонку, нервно метаясь взглядом между Эйдолоном и средоточием собравшихся; его рука потянулась к инструментам ремесла аптекаря, словно ему предстояло пустить их в ход. Лорд-командующий, пошатываясь, как пьянчуга, двинулся вперёд, вызывая издевательское хихиканье и насмешливый шёпот среди своих собратьев.

— Складно поёте, — рассмеялся Эйдолон, его горло вздувалось и искажалось, пока он говорил. Лорд-командующий проковылял в центр рожи, переводя внимание с брата на брата. — Вы оба. От души, в этом я не сомневаюсь. Искренние в каждом слове. — Услышав это, Кирий ошетинился, в то время как Каэсорон рухнул обратно на свой трон с мучительной ухмылкой на изуродованном лице. — И всё же мы не обязаны выбирать между рабской преданностью собственному пропавшему отцу и превращением в побитых псов магистра войны.

Вокруг Эйдолона послышался ропот. Одних шокировали его речи, другие выглядели заинтригованными.

— Где Гор? Магистр войны заставил Галактику пылать, а меж тем на передовой его не видно. Железные Воины часто жаловались на то, что Император использует их легион на износ, а теперь Гор желает, чтобы мы стали такими же. Но мы не пляшем под дудку хтонийских варваров. Мы не просим о благосклонности и внимании, словно комнатные собачки с Фенриса. — Он выдержал паузу, позволив себе усмехнуться.

— Мы больше не просто Две Сотни^[4], — продолжал Эйдолон. — Мы не следуем в тени другого легиона, извлекая уроки, которые со временем превзойдём. Давно пора проложить свой собственный путь через эту войну. Мы — Дети Императора. Что у нас общего с фермерами Барбаруса или с Пожирателями Миров? Мы, вне всяких сомнений, выше упрямого Четвёртого. Мы — лезвие клинка, который больше не ведаёт, чья рука его держит. Примарх. Магистр войны. Всё это мало что значит. Мы и прежде презирали своих господ — так какая разница, если мы отринем веру в них теперь? Если примарху угодно, чтобы мы были рядом с ним, — Эйдолон одарил Фабия испепеляющим взглядом, — тогда пусть он сойдёт со своего престола и обнимет всех нас. — Аптекарий отреагировал на презрительный взор Эйдолона в схожем ключе и отступил в тень, словно в пасть какого-то великого зверя.

— Если магистр войны желает, чтобы мы сражались за него — пускай направляет нас. Пусть он призовет нас на свои войны. Пока любой из этих вариантов будущего не наступит, мы должны потакать

своим собственным желаниям. Галактика в огне, а перспективы для нас тлеют от края до края!

В его поддержку грянуло куда больше голосов. Эйдолон усмехнулся — теперь они были у него как на ладони. Лорд-командующий поднял кулак, и окружавшие его легионеры возопили и запели.

— Я дам вам войну, о которой вы всегда мечтали в глубине своих сердец, — наконец, изрёк Эйдолон. — Вместе мы возьмём то, что хотим, и вырежем своё место в нежной плоти Галактики.

Когда он отошёл в сторону, шум поднялся снова.

Каэсорон вскочил на ноги с внезапным приливом энергии — его движения казались размытыми, и провёл рукой по воздуху меж собравшимися. Вокруг снова повисла тишина.

— Слова, какими бы красивыми они ни были, уже сказаны, — объявил он. — Сила оружия будет говорить громче. — Он хлопнул в ладоши, и собравшиеся воины встали, отодвигая столы и расчищая пространство меж ними, чтобы оно стало ареной.

Вокруг каждого из трёх говоривших кандидатов начали формироваться круги лояльности. Окружение Каэсорона пополнилось его безумными приверженцами и прочими искателями эйфорических высот, на которые якобы вознёсся примарх. Немногие тяготели к стремлению Кирия обрести славу в исполнении долга, сражаясь с избранными чемпионами Императора среди пылающих скал Терры. Лишь чуточку меньшее число братьев вздумали поддержать Эйдолона — многие рассматривали его скорее как диковинку, нежели в качестве соперника. Истинно верующие источали хвалы и излучали страстное желание. *«Довольно-таки недурственное начало».*

— Трое стоят, трое вызываются. Мы выберем тех, кто будет сражаться вместо нас, — объявил Каэсорон, скривив губы в улыбке и проведя языком по зубам. Он махнул рукой, и коренастый воин в несоответствующих друг другу частях брони рванулся вперёд. Он поднял тяжёлый топор и повертел его в руках. По телу легионера прошла дрожь, заставив неопознанные жидкости сочиться и пузыриться меж искажёнными пластинами доспеха, в который он был облачён. — Катран Бессили, — одобрительно проворковал Каэсорон. — Один из моих любимчиков. Это будет зрелище, что ни говори.

Кирий фыркнул и кивнул. Вперёд шагнул гибкий дуэлянт, облачённый в шелка и человеческую кожу, струящиеся с задней части его доспехов. Он поднял свою чарнабальскую саблю и прижал её ко лбу в воинском приветствии.

— Праэск Вак, — нараспев произнёс Кирий. — Известен среди собратьев как «Клинок Мучений».

Взгляды присутствующих обратились к Эйдолону, и он рассмеялся над их ожиданиями.

— Я буду представлять себя сам, — просто заявил он. Ответом ему стал грянувший хохот, но Эйдолон встретил его, словно лёгкий дождик. Лорд-командующий улыбнулся и проковылял в центр, подняв Вечную Славу. — Мне нет нужды бояться ваших маленьких воинов. Как, впрочем, и вас.

Эйдолон стоял в центре круга с закрытыми глазами, выравнивая дыхание.

На мгновение он ощутил вкус истинного покоя. Вой надстройки сменился глухим фоновым рёвом. Призывы его братьев стихли. Пустота. Меньше, чем ничего. Эйдолон познал момент спокойствия, прекращения боли, прежде чем окружающая действительность снова вернулась, чтобы поглотить его.

Бессили замахнулся могучим ударом своего увесистого топора, и Эйдолон отреагировал со змеиной

быстротой. Топор вонзился в усыпанный землёй пол помещения, разбросав во все стороны облачко горячей земли, когда владелец вырвал его обратно. Следующим атаковал Вак, легионер с глазами безумца и кожей, покрытой сеткой дуэльных шрамов и нанесённых самому себе порезов. Сабля врага звякнула о рукоять искусно выкованного громового молота Эйдолона, когда лорд-командующий поднял его в стремлении заблокировать удар. Агония прокатилась по нервным окончаниям Эйдолона, вновь наполняя его существо удовольствием и болью.

Он перешёл в контратаку, отталкивая более лёгкого противника назад. Эйдолон чувствовал, как пульсируют органы в его горле, приближаясь к убийственному крещендо. Он отверг эту возможность, проглотив собирающийся внутри глотки вопль. Он собирался победить благодаря собственной силе, а не трюкам аптекаря Фабия.

Меч Вака пустился в пляс вокруг его обороны, сверкая в доброй сотне всевозможных ударов, когда Празск вновь и вновь бросался на Эйдолона. Кровь струилась по бронированным бокам лорда-командующего, стекая с тех мест, где практически фрактальной остроты лезвие сумело достичь свою цель.

Бессили атаковал снова, и Эйдолон отшатнулся назад, позволив двум конкурирующим воинам столкнуться друг с другом. Любви между ними не наблюдалось. То же самое можно было бы сказать и о братских узах, которые давным-давно обратились в пепел. Они действовали по воле и прихоти разных хозяев, избранных воителей легиона, которые взяли на себя развитие грядущего, места в котором для Эйдолона не предусматривалось. Его глаза метнулись в сторону наблюдающей за схваткой толпы. Вот Каэсорон со своей стрихниновой улыбкой. Ледяной взгляд Кирия. Едва сдерживаемая ненависть Архориана.

Но присутствовало и нечто иное. Что-то видело его, Эйдолона, наблюдало за ним из толпы, танцую от глаз одного к другому. Лорд-командующий услышан отдалённый звон смеха, мелодичного, словно крошечные колокольчики. Что-то узрело его, осудив и *возжелав* в равной степени.

«Ты не умрёшь здесь. Только не снова. Не сегодня», — промурлыкал голос ему в ухо, и Эйдолону практически удалось убедить себя в том, что это его собственный голос.

Оба противника повернулись к лорду-командующему, а он просто улыбнулся.

— А теперь... — булькнул Эйдолон, поднимая свой боевой молот. — Начнём по-настоящему?

Никто из них не был чужд смерти. Они сражались и убивали на просторах шатких владений Императора годами, десятилетиями, а в случае некоторых даже веками. Империи Человечества был воздвигнут их рукою, осторожно, но с напором художника. Теперь те же самые энтузиазм и воображение, не ведающие границ, были направлены на его разрушение.

Было неизбежно, что легионерам Третьего придётся обратиться против своих братьев. Даже тем, кто вместе проливал кровь на Исстване и прошёл совместное помазание кровью в своей измене. Преданность стала призматической вещью, разбитым зеркалом, показывающим их такими, какие они есть на самом деле.

Возможно, подумал Эйдолон, именно в этот момент они поняли друг друга по-настоящему.

Бессили и Вак двинулись на него в одно и то же мгновение, с оружием наготове и боевым кличем на устах. Эйдолон встретил их лицом к лицу в полной тишине. Ударом руки он свалил более лёгкого Вака

на землю, его броня мгновенно покрылась грязью, забившей трещины и повреждения доспеха, шрамы на его плоти также скрылись под грязью. В тот же миг Эйдолон устремился вперёд, уклонившись от безрассудного взмаха вражеского топора и перехватив Вечную Славу одной рукой. Он нанёс удар, и потрескивающий боёк молота влетел в бок его оппонента.

Бессили буквально смяло. Казалось, что вся его фигура согнулась внутрь, когда молот Эйдолона достиг своей цели. Слитая костяная пластина, что когда-то была его рёбрами, треснула, и Эйдолон смог в мельчайших подробностях услышать стон своего врага и хруст его ломающегося позвоночника. Лорд-командующий развернулся на месте одним плавным движением и врезал ногой по горлу воина, вдавив его в землю и похоронив в его же собственной злобе.

Вак набросился на лорда-командующего, издавая неровный боевой клич, полный стыда и ненависти. Его удары начисто лишились всякой техники, воином владело отчаянное стремление проявить себя, отомстить за то, что осталось от его чести. Не осрамиться перед взором своего покровителя.

Эйдолон оставил противнику возможность для надежды. Даже окрылённый яростью и оттого неряшливый, он был не безнадёжен. Следующим ударом Вак рубанул Эйдолона по груди, броня и плоть разошлись в стороны, а закипевшая кровь напомнила воздух своим трупным ароматом. Лорд-командующий рассмеялся, когда клинок вонзился в наплечник, расколов его настолько глубоко, что он ощутил резонансы боли в узлах имплантатов. Чёрный панцирь пел в его плоти, и Эйдолон подавил вой, который так и норовил подхватить эту песнь.

Вак почувствовал запах крови. Эйдолон опустился на одно колено, всё его тело сотрясалось в корчах, дыхание стало прерывистым. Вак сделал шаг вперёд, перехватил клинок и вогнал его в основное сердце лорда-командующего.

Казалось, будто время остановилось. Эйдолон моргнул, хотя глаза его оставались прикованы к опускающемуся клинку. Он потянулся, и реальность изменилась. Его рука внезапно превратилась в пятно, и она сжимала саблю противника, стигая её, удерживая клинок на месте. Лорд-командующий щёлкнул запястьем.

Бесценный древний клинок переломился. Используя свой молот как рычаг, Эйдолон поднялся, не выпуская из руки сломанный конец меча, и молниеносно вогнал его под горло противника. Вак отшатнулся, символ его славы торчал прямо из его шеи, кровь струилась по пурпуру и золоту брони, ещё больше оскверняя украшавшую её палатинскую аквилу.

Эйдолон тяжело вздохнул и повернулся, оглядывая зрителей.

— Меня проверяли, — пробормотал он. — Я прошёл через жизнь, смерть и огонь, прошёл путь, недоступный ни одному из вас. Только я приблизился к примарху во славе его. Только я был возрождён и переделан руками наших новых богов. — Он наклонился и вытащил клинок из горла мёртвого Праэска Вака, метнув его в толпу своих недругов. Каэсорон забулькал, что вполне могло быть весельем, в то время как Кирий развернулся, удаляясь прочь.

Цифры в арифметике новой верности изменились в отчаянно предсказуемой манере. Вскоре по крайней мере треть собравшихся представителей различных фракций легиона оказалась на его стороне. Преклонив колени, предлагая свою преданность.

Эйдолон позволил себе улыбнуться, после чего отвесил поклон первому капитану и оставшемуся в зале лорду-командующему.

— А теперь я уйду, братья мои. Если когда-нибудь мы встретимся вновь, вы можете оказать мне одну-единственную честь. — Он позволил своему изуродованному телу вытянуться во весь рост и оскалился в кровавом триумфе. — Вы будете обращаться ко мне так, как подобает моему положению по праву первородства. Как к своему первому лорду-командующему.

1. Лорд-командующий Эйдолон делает отсылку к известному латинскому выражению «medice, cura te ipsum!»; эту же фразу можно найти в Евангелии от Луки, глава 4, стих 23, где Иисус говорит: «Конечно, вы скажете мне присловие: врач! Исцели Самого Себя; сделай и здесь, в своём отечестве, то, что мы слышали, было в Капернауме!». В контексте рассказа Эйдолон вкладывает в эту фразу двойной смысл: иносказательный, предлагая Фабию обратить внимание на свои собственные недостатки, ибо весь легион пребывает в процессе перерождения в нечто иное, и даже вроде как «находящийся выше этого» Фабий не избежал одержимости своими страстями и погони за какими-то новыми ощущениями (пускай его желания и отличаются от того, чем занимаются остальные Дети Императора), и прямой, ибо лорд-командующий, похоже, прекрасно видит угнездившуюся в теле Фабия скверну. Интересно, что в последующие годы Фабий употребляет это же самое выражение в отношении самого себя (см. трилогию Фабия за авторством Джоша Рейнольдса).
2. Возможная отсылка на цитату из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием».
3. См. рассказ «Любовь к судьбе» Майкла Хэспила, события которого разворачиваются в скором времени после неоднократно упоминаемого в тексте вознесения Фулгрима на Йидрисе в романе «Ангел Экстерминатус».
4. Имеются в виду последние оставшиеся в живых после эпидемии т.н. Скверны две сотни легионеров Третьего легиона, встретившие примарха Фулгрима в ходе его обнаружения на Кемосе в 830.М30. Среди них доподлинно известны следующие: лорд-командующий Абдемон, капитан Второй роты и мастер меча Тессерий Акурдуана, вексиллярый (позднее дредноут и Хранитель Обрядов) Риланор, эмиссар в Воинстве Крестоносцев на Терре снайпер Аргент Кирон, мастер меча Каллион Завен, а также, разумеется, аптекарь Фабий. Йен Сен-Мартин, автор романа «Люций: Безупречный клинок», относит к этому числу и аптекаря Чезаре из боевой группировки Люция Вечного, что противоречит иным источникам, согласно которым Фабий представлял собой последний осколок аптекариона Третьего к моменту воссоединения с примархом. Впрочем, быть может, Чезаре вступил во врачебное братство существенно позже, что устраняет данное противоречие.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Первородство_/_Primacy_\(рассказ\)&oldid=22917](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Первородство_/_Primacy_(рассказ)&oldid=22917)

Эта страница в последний раз была отредактирована 27 мая 2023 в 20:46.